

Л. Н. Аряев

Почему Татищев крестил новгородцев «мечом и огнем»?
К вопросу о происхождении рассказа
о крещении новгородцев в «Истории Иоакима»

УДК 94(47).025:930.23:82
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_10
EDN VJZFRT

Аннотация: Татищевский рассказ о крещении новгородцев задумывался как стилизация, предназначенная для подтверждения аутентичности «Истории Иоакима». Стилизация осуществлялась через повествование от первого лица, упоминание мелких подробностей, использование взятых из настоящих летописей выражений, введение в рассказ былинных персонажей. Выражение «мечом и огнем» заимствовано Татищевым у Стрыйковского; на его основе по летописным образцам Татищев смоделировал поговорку «Путята крести мечом, а Добрыня огнем». Драматичные подробности усмирения новгородцев (в том числе поджог) Татищев додумал на основе собственного опыта преследования башкирских повстанцев и уральских старообрядцев. Представление о насильственном противостоянии христианства и язычества в Древней Руси возникло у Татищев под влиянием поздних источников (XVI–XVII вв.), а непосредственным толчком к созданию рассказа о крещении новгородцев послужила легенда о перуновой палице.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, История Иоакима, Крещение Руси, Великий Новгород.

Об авторе: **Леонид Николаевич Аряев**

Независимый исследователь, г. Зальфельд (Германия).

E-mail: l.aryayev@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8394-5856>

Для цитирования: Аряев Л. Н. Почему Татищев крестил новгородцев «мечом и огнем»? К вопросу о происхождении рассказа о крещении новгородцев в «Истории Иоакима» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 10–30.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 03.05.2025.

Leonid Aryayev

Why did Tatishchev baptize Novgorodians with “Sword and Fire”?
On the Origin of the Story
about the Baptism of Novgorodians in “Ioachim Chronicle”

UDK 94(47).025:930.23:82
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_10
EDN VJZFRT

Abstract: Tatishchev’s tale of the baptism of Novgorodians was conceived as a stylization to confirm the authenticity of the “Ioachim Chronicle”. The stylization was achieved through first-person narration, including small details, using expressions borrowed from real chronicles, and introducing epic characters into the story. Tatishchev borrowed the expression “with sword and fire” from Strykowski and compiled the saying “baptized Putyata with the sword and Dobrynya with fire” according to the samples from chronicles. Tatishchev came up with dramatic details of the suppression of Novgorodians (including arson), drawing from his own experience of persecution of Bashkir rebels and Ural Old Believers. Tatishchev thought up the idea of a violent confrontation between Christianity and paganism in Ancient Russia under the influence of later sources (16–17th centuries), while the story of the baptism of the Novgorodians was composed under the direct influence of the legend of Perun’s club.

Keywords: Tatishchev, Ioachim Chronicle, Christianization of Rus’, Novgorod.

About the author: **Leonid Aryayev**
Independent researcher, Saalfeld (Germany).
E-mail: l.aryayev@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8394-5856>

For citation: Aryayev L. Why did Tatishchev baptize Novgorodians with “Sword and Fire”? On the Origin of the Story about the Baptism of Novgorodians in “Ioachim Chronicle”. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 10–30.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 03.05.2025.

Фрагмент из представленной В. Н. Татищевым «Истории Иоакима», посвященный крещению Новгорода «мечом и огнем»¹, занимает особое место в историографии. Сама по себе «История Иоакима», взятая в целом, не вызывала доверия даже у благосклонных к Татищеву историков. В лучшем случае в ней видели позднюю компиляцию XVII–XVIII в., которой первый русский историограф неосмотрительно доверился². В то же время, для некоторых сообщаемых Псевдо-Иоакимом сведений, и в первую очередь для рассказа о крещении новгородцев, допускалась некая «древняя основа», коренящаяся в «несохранившихся летописях» или в «устной традиции»³.

Археологические данные о пожаре в Неревском конце Новгорода в 989 г. академик В. Л. Янин считал доказательством того, что «утверждение Иоакимовской повести о насильственном крещении новгородцев имеет вполне реальную основу» и опирается «на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию»⁴. Показательна готовность, с которой даже такой крупный ученый при первой же возможности согласился видеть «реальную основу» в заведомо позднем и недостоверном тексте и не остановился даже перед тем, чтобы обосновать свою догадку с помощью целого ряда натяжек (например, не получала должного обоснования совсем небесспорная дата крещения Новгорода, из находки одного-единственного медного крестика делался вывод о наличии «христианской общины» в городе, начало церкви Преображения на улице Розважа произвольно относилось к X в. и т. д.)⁵.

Не менее впечатляющ пример другого академика — А. А. Шахматова, полагавшего, что «рассказ о крещении Новгорода содержит черты, изобличающие современника»⁶. Утверждение более чем странное, учитывая, что как такового текста «Истории Иоакима» в реальности не существует, исследователи имеют дело в лучшем случае с пересказом Татищева — каким же образом в нем можно увидеть или не увидеть «черты современника»? И это не просто досадный промах мэтра российского источниковедения: доверие к «иоакимовской» версии крещения Новгорода высказывали многие выдающиеся российские историки — от С. М. Соловьева⁷ до С. Н. Азбелева⁸.

Такое не может быть случайностью. Очевидно, несмотря на свое заведомо спорное происхождение, на перенасыщенность анахронизмами и на подозрительные обстоятельства «находки», татищевская «История Иоакима» обладает большой убедительной силой. В чем же заключается причина ее обаяния? Во всяком случае, не в источниковедческой достоверности. Написанная смесью современного Татищеву русского языка с церковнославянским (а местами переходящая на чистый русский)⁹,

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 1. М., 2016. С. 139–140.

² Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 1. С. 63; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 91.

³ Алексеев С. В. Источники Иоакимовской летописи // Историческое обозрение. Вып. 3. М., 2002. С. 18–20; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 47–50.

⁴ Янин В. Л. Когда и как крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11. С. 31; Его же. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. 1984. Вып. 7. С. 56.

⁵ Горовенко А. В. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. 2018. Т. 4, № 5. С. 1–16.

⁶ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМПН. 1900. Т. 332, ноябрь. С. 183.

⁷ Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти книгах. Кн. 1, т. 1–2. М., 1988. С. 177, 308, прим. 257.

⁸ Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.

⁹ Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Прибавления к изданию творений Святых Отцев в русском переводе. 1881. Ч. 28. С. 631.

начинающаяся со Скифа, Словена и Вандаля и содержащая рассказы, не имеющие параллелей ни в одной из настоящих древнерусских летописей — такого рода «История» является прямо-таки эталоном заведомо недостоверного источника. При этом нет никаких текстологических, лингвистических или иных оснований выделять из этого сомнительного источника рассказ о крещении новгородцев и противопоставлять его остальному тексту «Истории Иоакима» как достоверное свидетельство. «Совпадение» сообщения о поджоге Добрыней Новгорода со свидетельствами о пожаре в Неревском конце 989 г. на первый взгляд выглядит впечатляюще, однако в начальной версии «Истории Иоакима» (отраженной в Академическом списке) о поджоге не говорилось ни слова — это известие было позже дописано Татищевым на полях¹⁰; таким образом, даже если поверить в реальность «тетрадей Мельхиседека Борщова», подробность о поджоге следует считать позднейшим домыслом Татищева, что обесмысливает всякие толки о «совпадениях». «Крещение огнем» изначально подразумевало не поджог города, а насильственное сожжение Добрыней деревянных идолов. Следует подчеркнуть, что традиционная отговорка апологетов Татищева — что он вторично обратился к источнику и вычитал в нем то, что в первый раз пропустил — в данном случае не работает: Татищев прямым текстом пишет, что отослал «тетради» сразу после ознакомления с ними, а в сентябре 1748 г. получил известие о смерти Мельхиседека и пропаже его «пожитков»¹¹; поскольку написано все это еще до появления приписки о поджоге, то последняя явно имеет «внеисточниковое» происхождение (возможно, Татищев пытаясь исправить несогласованную фразу в изначальном варианте, воспользовался случаем украсить свой рассказ драматической подробностью).

Может быть, сила Татищева — в художественной убедительности его нарратива? Но литератор Татищев был неважный. Его письменная речь архаична, тяжела и несет на себе слишком сильный отпечаток языка петровской эпохи с его стилистической пестротой, грамматической разноголосицей и синтаксической неорганизованностью. Переходы в процессе работы над «Историей Российской» на «древнее наречие» и обратно тоже не прибавили труда Татищеву литературного изящества. Однако некоторые фрагменты татищевской «Истории» все же обладают яркой художественной выразительностью, и рассказ о крещении новгородцев, несомненно, относится к их числу.

Для самого Татищева этот рассказ имел особое значение. Новгородское крещение поминается им уже в самом начале главы «О истории Иоакима епископа новгородского» и служит *первым из доказательств* того, что автором этой истории действительно был Иоаким Корсунянин: «Хотя нечто и баснословное по тогдашнему обычаю внесено, по обстоятельствам кресчения новгородцев точно показывает о себе, что есть Иоаким епископ»¹². *Вторым доказательством* аутентичности памятника Татищев считал его согласованность с проложными житиями и польскими хрониками XVI в., которым историограф в целом доверял и даже удивлялся, не находя соответствующих им известий в древнерусских летописях: «Другое обстоятельство, что хотя так много разных манускриптов древних я имел, как в гл. 7 показано, однако ж многих в них обстоятельств, положенных в прологах и польских историях, не нахожу, а здесь почти точно или яснее тех положены. Следственно, оные сочинители не отъинуда, как из сея истории брали...»¹³. Забавно, что несколькими абзацами ниже Татищев забывает о собственной гипотезе — теперь уже автор «Истории

¹⁰ Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 262; Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 139, 531, вар. 17–17.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 140.

¹² Там же. С. 132.

¹³ Там же.

Иоакима» заимствует из «польских историй» и смешивает славян с сарматами («в чем он, веря польским, обманулся»¹⁴).

То, что Татищев начинает с доказательств аутентичности предлагаемого им текста, полностью дезавуирует его нарочитые сомнения по поводу «Истории Иоакима» (ссылки на «новый слог» и «вымышленность» монаха Вениамина, выделение «иоакимовских» известий в отдельную главу), которые некоторыми историками принимались за свидетельства научной добросовестности Татищева¹⁵, но которые в действительности больше походят на стандартную уловку для аутентификации сомнительного текста¹⁶. Еще важнее, что рассказ о крещении новгородцев в «Истории Иоакима» имеет конкретную функцию — он должен подтверждать авторство Иоакима Корсунянина и, тем самым, гарантировать достоверность всей «Истории» в целом. В свою очередь, «История Иоакима» призвана была засвидетельствовать правдивость поздних русских и польских источников, которыми активно пользовался Татищев, равно как и освятить авторитетом древней летописи собственные предположения историографа (о тождественности славян с «алазонами» и «амазонами», о родстве Рюрика с Гостомыслом, о вымышленности Диры, о месте крещения Владимира, о его женах и сыновьях и др.).

Замысел Татищева удался лишь частично: «История Иоакима» все равно не получила дополнительного кредита доверия — слишком сильно ее текст походил на заведомо фантастические книжные легенды позднего летописания. Зато рассказ о крещении новгородцев получился столь удачным, что зажил самостоятельной жизнью и обрел немало защитников своей подлинности.

Стилизация осуществлялась несколькими приемами. Прежде всего, рассказ о крещении новгородцев представлен как свидетельство участника событий. Повествование идет от первого лица («Мы же стоим на торговой стране, ходихом по торжисчам и улицам, учухом люди, елико можихом»). Упоминаются мелкие детали и подробности, о которых мог знать только очевидец (пороки на остатках разметанного моста, точное название разоренной язычниками церкви, численность сражающихся отрядов, раздельное крещение мужчин и женщин выше и ниже моста и др.). Художественную силу этих приемов, создающих эффект присутствия и резко повышающих доверие к тексту, Татищев мог оценить при знакомстве с настоящими летописями (например, в рассказах об ослеплении Василька Ростиславовича или о смерти Владимирка Галицкого). Уже при работе над первой редакцией своего труда историограф приписал летописцу воспоминание о совместном пении в церкви с Игорем Ольговичем¹⁷, что должно было придать убедительности татищевским соображениям об еп. Нифонте Новгородском как последователе Нестора и Сильвестра в деле летописания и авторе княжеских словесных портретов¹⁸.

Стоит отметить, что повествование от первого лица было введено в «Историю Иоакима» довольно неуклюже: в начале «Истории...» об Иоакиме говорится в третьем лице, причем он противопоставляется Нестору как более сведущий в древних новгородских событиях летописец. Ясно, что автором этого вступления никак не мог быть Иоаким, умерший задолго до появления трудов Нестора и потому лишенный возможности оценить полноту несторовых известий о новгородских делах. В дальнейшем тексте «Истории...» ее предполагаемый автор ничем себя не проявляет вплоть

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Тихомиров М. Н. О русских источниках... С. 61.

¹⁶ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 242–243, прим. 128.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 4. М., 2017. С. 274.

¹⁸ Толочко А. П. «История Российская»... С. 354–355.

до своего внезапного появления на Торговой стороне, где по мере сил проповедует новую веру. Исполнив свою функцию — сообщить драматические подробности крещения Новгорода — автор немедленно пропадает, передавая слово Татищеву. Кем же была написана «История Иоакима» — очевидцем крещения Новгорода, под которым, по выражению Татищева, «ни о ком ином кроме Иоакима епископа, разуметь невозможно», или же более поздним автором, имевшим возможность сравнить Иоакима с Нестором? Путаница усугубляется тем, что Татищев представляет рассказ как выписку из «тетрадей», причем не сплошную, а лишь тех фрагментов, «чего у Нестора не находится или здесь иначе положено». Перед нами, таким образом, своего рода выборочный конспект «Истории Иоакима», сопровождаемый комментариями и соображениями самого Татищева. Но в этот конспект временами прорывается речь то самого Иоакима, то какого-то более позднего автора, критикующего Нестора за неполноту знаний «о князех русских старобытных». Кажется, Татищев, движимый желанием вставить в текст повествование от первого лица, не до конца продумал, как лучше это можно было бы сделать. Надо, впрочем, учитывать, что завершить работу над своей «Историей Российской» он так и не успел и что мы имеем дело, по существу, с черновиками его труда.

Также для придания древнего колорита и усиления эффекта аутентичности Татищев ввел в текст былинных персонажей — Путятю и Добрыню. Образцом для историографа послужила Никоновская летопись, составитель которой щедро украсил свое повествование героями русского эпоса — Яном Усмошвецем, Александром Поповичем с Торопом, Добрыней Рязанцем и др.; да и составитель ПВЛ использовал явно фольклорные сюжеты о юноше-кожемяке и белгородском киселе. Тот же Добрыня фигурировал как в летописях, так и в былинах — это убеждало Татищева, что и другие былинные персонажи могли иметь исторических прототипов¹⁹.

Помимо этого, Татищев использовал отсылки к реальным летописным текстам. Так, «дифференцированный» подход Добрыни к идолам — «деревянии сожгоша, а камении, изломав, в реку вергоша» — это повторение действий Владимира после возвращения из Корсуна в Киев в ПВЛ. Оттуда же взята насмешка Добрыни над идолами, «которые себя оборонить не могут», представляющая собой вольную переделку ответа киевлянам варяга-христианина в 6491 г. («не суть бо бози но древо»); еще ближе речь Добрыни к татищевскому комментарию рассказа о низвержении Перуна Владимиром²⁰. Горестная сентенция Псевдо-Иоакима «Но гиблющим в нечестии слово крестное, яко апостол рек, явися безумием и обманом» восходит к комментарию автора ПВЛ об «уродстве» христианства в глазах неверных, данного по поводу упорства Святослава в язычестве.

Наличие такого рода заимствований из ПВЛ противоречит утверждению Татищева об авторстве Иоакима, который не мог быть знаком с трудом условного «Нестора». Обратный вариант — заимствование «Нестором» у «Иоакима» — также невозможен, поскольку, согласно самому Татищеву, «о князех русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе»²¹, т.е. «Истории Иоакима» у него не имелось.

¹⁹ «О Путяте нигде Нестор не упоминал... В песнях же старинных о увеселениях Владимира тако поют: Против двора Путятина, против терема Зыбатина старого Путяти темной лес. Ис чего можно видеть, что знатный муж был» (Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 147, прим. 45).

²⁰ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 2. М., 2016. С. 75. Примечательно, что в первой редакции (Там же. Т. 4. С. 173) Татищев еще воспроизводил летописное понимание низвержение Перуна (как «поругание бесу»), во второй редакции толкование стало куда более «рациональным».

²¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 133.

Но настоящей творческой находкой Татищева стала фраза «Сего для людие поносят новгородцев: Путята крести мечем, а Добрыня огнем». Образцом ему опять-таки послужила ПВЛ, в которой поговорки «погибоша аки обре», «беда аки в Родне» и «пищанцы волчья хвоста бегает» завершали краткие сообщения о нашествии авар, об осаде Родни и о походе на радимичей. Правда, сходство поговорок из ПВЛ с поговоркой из «Истории Иоакима» мнимое: если автор ПВЛ на основе поговорок пытался восстановить факты далекого прошлого, о которых уже мало кто хоть что-то помнил, то фраза о Путяте и Добрыне отсылала к событиям, случившимся на глазах у повествователя и только что во всех подробностях им описанным. Условный «Нестор» шел от поговорки к событию, Псевдо-Иоаким — от события к поговорке. Татищев, таким образом, совершенно не уловил смысл и значение использования поговорок летописцем. Тем не менее, стилизация оказалась на редкость удачной. Показательно, что даже Н. М. Карамзин, оценивавший татищевскую «Историю Иоакима» как «шутку», посчитал известие о крещении новгородцев «любопытным» и заметил: «жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной пословице: “Путята крести мечом, а Добрыня огнем!”»²² — то есть, не поверив в известие, Карамзин поверил в поговорку и решил, что Татищев, подобно древнерусскому летописцу, додумал по ней историческое событие.

Однако ни в каких собраниях русских пословиц и поговорок XVIII–XIX столетий²³, в том числе, записанных самим Татищевым²⁴, крещение мечом и огнем не упоминается. Найти его можно лишь в одном-единственном сборнике середины XIX в., составленном Н. А. Добролюбовым²⁵, который был знаком с татищевским трудом и доверял рассказу о крещении новгородцев²⁶. То, что в сборнике фигурирует архаичная форма спряжения глагола «крестить» — «Путята крести» — подтверждает, что «народная пословица» списана Добролюбовым с «Истории Российской».

То, что Татищев задолго до «открытия» Псевдо-Иоакима знал выражение «огнем и мечом», явствует из его письма к Тредиаковскому 18 февраля 1736 г., где о патриархе Никоне сказано: «не кротостию и учением, но мечом и огнем стал принуждать»²⁷ (здесь и далее курсив автора статьи). Вообще «мечом и огнем» — выражение не фольклорное, а чисто книжное, известное уже со времен античности. Татищев мог познакомиться с ним, например, из имевшегося в его библиотеке перевода «Истории Александра Великого Македонского» Квинта Курица Руфа²⁸: в этой книге персидский наместник Киликии Арсан разоряет край «огнем и мечом», чтобы затруднить

²² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. I. СПб., 1842. С. 126–127, прим. 463 к т. I.

²³ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 109–125; Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий // Сборник ОРЯС. Т. 66. СПб., 1900. С. 163–216; Западов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и се» и его литературное окружение // XVIII век. 1940. Вып. 2. С. 124–128; Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц. СПб., 1770; Пословицы, поговорки и загадки XVIII–XX вв. М., Л., 1961; Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957; Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 78–136; Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

²⁴ Пословицы, поговорки и загадки XVIII–XX вв. С. 47–64.

²⁵ Там же. С. 130.

²⁶ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь–декабрь 1858 г. М., Л., 1962. С. 319.

²⁷ Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 226.

²⁸ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 59. Впрочем, эту книгу Татищев получил от Шумахера довольно поздно — летом 1750 г. (Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 411–412), когда «История Иоакима» уже была написана.

продвижение македонян²⁹. «Огонь и меч» можно найти и у древнерусских книжников³⁰. Но всего вероятнее, что фразу «мечом и огнем» Татищев позаимствовал у одного из своих любимых авторов — М. Стрыйковского.

Уже в сохранившихся примечаниях к самому раннему варианту своего труда («Древних российских летописцев вторая часть») Татищев, рассказывая о походе Ярослава Мудрого на Польшу, в примечании 145 цитирует польского историка: «Вот его [Стрыйковского] слова: “Ярослав пришел с войском, частью конным, частью на судах по Бугу, покорил много городов в Мазовии *огнем и мечом*, жителей пленил и, заселив города русскими, возвратился после того с богатой добычей”»³¹. Другой раз «огонь и меч» — и опять со ссылкой на Стрыйковского — появляются в примечании 172: «...Стрыйковский под 1079 годом пишет...: “Русские князья Владимир Новгородский, Давид и Олег переяславские (черниговские), Владимир перемышльский и Ярослав Ярополкович луцкий подыскали удобное время, пошли с войском, разделенным на 4 части, на Польшу во время короля Владислава Германа, брата Болеслава, и завоевали и опустошили Польшу *огнем и мечом* вплоть до Вислы”»³². Соответствующие места, включая выражение “*ogniem u mieczem*”, действительно читаются в хронике Стрыйковского³³. Без особых изменений Татищев воспроизвел эти цитаты в примечаниях к 1-й и 2-й редакциям³⁴.

Не в последнюю очередь занимательности татищевскому рассказу придает подробное описание беспорядков и боевых столкновений в Новгороде. Батальные сцены очень оживляют повествование, о чем Татищев, без сомнения, знал. Однако, занявшись изучением русских летописей, он мог воочию убедиться, что в них крайне редко приводятся какие-либо подробности о ходе сражений, особенно такие, которые представляли бы интерес для искушенного в тактических вопросах артиллериста и инженера просвещенного XVIII столетия — о численности войск, их расположении, вооружении, ходе сражения, маневрах, военных хитростях и т.д. Подобно Титу Ливию, Татищев охотно дополнял скудные известия о древних битвах, а порой придумывал и битвы небывалые. Так, он заставил Святослава в начале первой балканской кампании выдержать тяжелое сражение на Днестре, где ему противостояли болгары, хазары, ясы и касоги, а помогали венгры, и где победу Святославу принес обманный маневр³⁵. Реальную битву на Серете 1154 г. Татищев расцветил драматическими подробностями о приключениях Мстислава Изяславовича, которых не знает ни одна из настоящих летописей³⁶. Еще одно реальное боевое столкновение — князя

²⁹ Квинт Курций. О делах содеянных Александра Великого царя Македонского. СПб., 1724. С. 40.

³⁰ Например, в рассказе о походе Ивана III на Новгород архиеп. Феофил говорит великому князю: «меч твой и огонь ходит по Новгородской земле» (Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 16: Русь, 1483–1491. М., 2022. С. 187).

³¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 7. М., 2018. С. 132, прим. 145.

³² Там же. С. 139, прим. 172.

³³ Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka y wszystkich Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej*. Królewiec, 1582, s. 177, 191.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 554, прим. 179, С. 560, прим. 212; Там же. Т. 2. С. 310, прим. 245, С. 320, прим. 292. Любопытно, что в первой редакции цитаты из польской хроники даны в той же стилизованной под «древнее наречие» манере, что и весь текст («прииде», «ово», «пустошаху» и др.).

³⁵ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 57. Все эти фантастические подробности появляются только во второй редакции. Нужно помнить, что Татищев полагал местом жительства хазар низовья Днестра и Днепра, а ясов помещал в Молдавии — отсюда и столь странный состав участников битвы.

³⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 315–316; Там же. Т. 3. С. 58–60.

Мстислава Ростиславовича с чудью — историограф дополнил известием о тысяцком Самце, совершившем рейд в тыл противника и *поджегшем* его села, что привело врага в замешательство и принесло победу³⁷. В полностью вымышленном сражении с болгарами святославов воевода Волк (если был воевода Волчий Хвост, то наверное же был и Волк) *поджигает* ночью Преславец, чтобы сбить с толку противника и обеспечить безопасный отвод вверенных ему частей³⁸.

Множить примеры нет необходимости. Важно лишь отметить, сколь охотно Татищев вводил в текст неизвестные аутентичным источникам тактические детали сражений. Не менее примечательна легкость, с которой герои Татищева в ходе битвы прибегали к поджогам. Примеры такого рода тактики Татищев мог найти в доступной литературе: например, в книге Мавро Орбини (ссылки на которого имеются и в примечаниях к «Истории Иоакима») пересказывалась легенда об амазонках, зажегших ночным нападением римский лагерь и сорвавших осаду Фессалоник³⁹.

Эта своеобразная «военная пиромания» прослеживается не только в исторических текстах Татищева, но и в его деловой документации и переписке. И огонь, и меч оказались очень востребованными, когда Татищев во главе Оренбургской комиссии подавлял очередное восстание башкир. В декабре 1737 г. на «генеральном собрании» в Самаре Татищев планирует предложить восставшим выдать своих вождей, в противном же случае «все тех волостей и родов, без всякого помилования, от войск Е. И. В-ва *огнем и мечом* сокрушены, и дети их в русские города развезены будут»⁴⁰. В своем наказе полковникам Арсеньеву и Толбузину от 8 марта 1736 г. он предписывал «смотреть накрепко, чтоб тех воров нигде никто не укрылся, но *всех предать мечу, а дома и сена пожечь*, только малых робят, також девок и молодых баб допустить вывозить»⁴¹. В 1738 г. Татищев распорядился Тойгильду Жулякова «за то, что, крестясь, принял паки магометанский закон, — на страх другим, при собрании всех крещенных татар, *сжечь*»⁴². Это был далеко не единственный случай в царствование Анны Иоанновны, когда человека жгли за его веру, но тут инициатором аутодафе выступал рационалист и адепт Просвещения, что делает этот случай особо примечательным. Фактически Татищев, подобно героям своего нарратива, проводил насильственную христианизацию, буквально действуя «мечом и огнем».

Еще явственнее принудительное «миссионерство» видно в организованных Татищевым гонениях на уральских старообрядцев. В конце 1735 — начале 1736 г. посланные им команды разорили и пожгли десятки старообрядческих скитов, заимок и келий, около полутысячи человек были заточены по монастырям⁴³. Академик

³⁷ Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 161–162. Эта «хитрость», по определению самого Татищева, не читалась в первой редакции. В Воронцовском списке 2-й редакции в этом месте появляется знак вставки, но сам текст вставки отсутствует. Яркие подробности о рейде Самца по чудским тылам были внесены Татищевым позже и читались в печатном издании 1774 г. (Там же. Т. 3. С. 378, вар. 47–47).

³⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 60.

³⁹ Мавроурбин, архим. Рогожский. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. СПб., 1722. С. 122. Татищев критически отзывался о Мавро Орбини, но охотно ссылался на него, когда их мнения совпадали, например, — о славянстве амазонок или о происхождении имени славян от «славы» (Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 141, прим. 5, С. 409).

⁴⁰ Цит. по: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М., Л., 1950. С. 87–88.

⁴¹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. Уфа, 2003. С. 143–144.

⁴² Чупин Н. К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. (Из дел Екатеринбургского горного архива // Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 311.

⁴³ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 89.

Н. Н. Покровский обоснованно видел «ироническую логику» в том, что одна из самых масштабных «выгонок» старообрядцев была организована «просвещеннейшим» борником государственного подхода и казенного интереса⁴⁴. Но этому есть простое объяснение. Будучи (по крайней мере на словах) религиозно терпимым, Татищев, однако же, был беспощаден к суеверию, а «раскольники», идущие на смерть «за бороду» и за сугубую аллилуйю, были в его глазах приверженцами самого того, что ни на есть дикого суеверия (по его собственному выражению — «пустоверцами»⁴⁵), и с ними можно и нужно было бороться.

В оправдание Татищева можно сказать, что, преследуя старообрядцев, он всего лишь следовал именному указу от 12 ноября 1735 г. Однако надо учитывать, что этот указ во многом был следствием его собственных донесений о ситуации с «раскольниками» и «беглыми» на Урале⁴⁶. «Пустоверцы», которые «за бороду жгутся», не могли возбуждать ни малейшего сочувствия в адепте петровского просвещения⁴⁷. Организованная Татищевым «выгонка» привела к возобновлению массовых самосожжений среди старообрядцев: 31 августа 1736 г. Толоконцевская гарь унесла жизни 75 человек. Для Татищева это могло послужить еще одним подтверждением суеверия и изуверства «раскольников», но для жертв его гонений это был «последний довод», который сработал: по выражению академика Н. Н. Покровского, Толоконцевская гарь «существенно повлияла на обстановку, затрудняя проведение Татищевым более широких и регулярных операций по искоренению старообрядчества»⁴⁸.

Что насильственное обращение в веру дает лишь преходящий эффект или не дает никакого — в этом Татищев мог убедиться на собственном опыте. На месте сожженных и разоренных скитов спустя короткое время появились новые. Большая часть арестованных старообрядцев, заточенных по монастырям, разбежалась. В том числе — и даже в первую очередь, поскольку их не так строго стерегли — бежали те, кто наружно принял официальную религию. Старая вера оказалась очень стройкой, а ее — последователи крайне упорными. Не этот ли опыт привел Татищева к довольно своеобразному представлению о ходе христианизации Руси, радикально отличающемуся от той картины, которая нарисована в аутентичных летописях?

Как в ПВЛ, так и в НПЛмл свет христианства проникает на Русь постепенно, медленно и неуклонно, от первого проблеска апостольского путешествия к предрассветным сумеркам крещения Ольги, через яркий рассвет при Владимире к цветущему полдню при Ярославе Мудром, когда стали умножаться черноризцы и монастыри. Распространение новой веры происходит без особых эксцессов, христиане и язычники мирно сосуществуют (как в рассказе о договоре Игоря с греками). Даже такой закоренелый язычник, как Святослав, не препятствует никому креститься и ограничивается всего-навсего насмешками. Гибель варяга-христианина и его сына в Киеве так и остается единственным эпизодом, когда противостояние христианства и язычества на Руси приняло насильственный характер. При Владимире сопротивление язычников сводится к комичным плачам по Перуну и по отдаваемым в учение детям.

В татищевской «Истории...» все гораздо драматичнее. Тут христианизация — это борьба, причем с переменным успехом и трагическими поворотами. Крещение Аскольда приводит к его предательскому убийству при содействии языческой партии⁴⁹.

⁴⁴ Там же. С. 68.

⁴⁵ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 211.

⁴⁶ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 82.

⁴⁷ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 278.

⁴⁸ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 104.

⁴⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 266, прим. 63.

Ольга отправляется в Царьград, потому что боится креститься в Киеве⁵⁰. Ее опасения небезосновательны: татищевский Святослав уже не смеется над христианами, а обрушивает на них прямо-таки «диоклетиановы» гонения, не щадя даже созданного татищевским воображением брата Глеба и грозясь по возвращении с Дуная разорить сжечь все христианские храмы⁵¹. Ярополк Святославич тайно симпатизирует христианству, но, по-видимому, недостаточно хорошо маскируется — его предают, он убит, на престол восходит ярый поборник язычества Владимир. Через некоторое время обстановка в очередной раз резко меняется — Владимир сам обращается в христианство, но при этом все равно не желает принимать крещение от базилиев-сов, предпочитая давно к тому времени покойного царя Симеона Болгарского⁵². Таким образом, по Татищеву, одних только князей было умучено за веру целых трое — можно представить, сколь брутальным должно было быть противостояние! Кровавое столкновение Добрыни и Путяты с новгородскими язычниками органично вписывается в этот драматичный контекст. Фанатичные речи тысяцкого Угоняя («Лучше нам померети, неже боги наши дати на поругание») уместны только в «Истории Иоакима», в настоящих летописях они звучали бы диссонансом, — не меньшим, чем появление *верховного жреца* Богомила Соловья: реальные летописцы ничего не знали о языческих жрецах на Руси.

Личное участие в гонениях на старообрядцев и башкир, несомненно, помогло Татищеву создать художественно убедительную картину религиозной борьбы, но сама по себе татищевская концепция упорного противостояния язычества и христианства нуждается в ином, чисто источниковедческом объяснении. Наибольшее значение имеют поздние источники XVI–XVII вв., широко использованные Татищевым на всех этапах его работы над «Историей Российской».

М. Стрыйковский в своей «Хронике» указывал, что еще до Ольги «русаки» были крещены, но пребыли в истинной вере недолго; упоминал он (со ссылкой на Зонару) и о чуде неопалимого Евангелия⁵³. В предисловии к первым печатным изданиям Киево-Печерского Патерика (Татищев считал автором этого предисловия митр. Петра Могила) говорилось о целых пяти крещениях (при апостоле Андрее, в 863 г. посредством миссии Кирилла и Мефодия, в 886 г. после чуда с Евангелием, при Ольге и при Владимире Святославиче)⁵⁴. О том, что «россы» многократно крестились до Владимира, сообщал и «Синописис» Гизеля⁵⁵. Татищев, с небольшими поправками⁵⁶, принял эту «пятичленку» и даже увечил число крещений до шести (за счет разделения второго крещения на «болгарское» и «моравское»⁵⁷), но понимал эту концепцию по-своему. Для издателей Киево-Печерского Патерика «многоступенчатое»

⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 137.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 138.

⁵³ Strykowski M. *Kronika...* S. 142.

⁵⁴ *Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich*. Kiiow, 1635, s. 11–13; Патерик или Отечник Печерский. Киев, 1661. С. 10–11. Татищев также ссылался на Кормчую (т. 1, с. 127), по-видимому, имея в виду издание 1653 г. с предисловием патр. Никона, где говорилось о четырех крещениях. Скорее всего, на Никона повлиял Захария Копыстенский, который тоже насчитывал четыре крещения, выделяя моравскую миссию особо (*Копыстенский З. Палинодия* // РИБ. СПб., 1878. Т. IV. С. 969–973, 986–989).

⁵⁵ Синописис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-российского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев, 1680. С. 40–42.

⁵⁶ Так, Татищев ограничивал путешествие апостола Андрея по Руси только Киевом (без Новгорода), а крещение при «показанном чуде незгоревшаго евангелия» переносил с 886 на 867 г. (*Татищев В. Н. История Российская...* Т. 1. С. 128–129, 131).

⁵⁷ *Татищев В. Н. История Российская...* Т. 1. С. 129–130.

крещение опровергало домыслы католиков и униатов, будто Русь приняла христианство из Рима. Для Татищева же необходимость повторных крещений служила указанием на «незавершенность», «неполноту» крещений предыдущих, что можно было объяснить только упорным сопротивлением язычества. Похожее толкование многократного крещения вообще было распространено на заре становления российской историографии: так, составитель Латухинской Степенной книги 1676 г. (которой пользовался и Татищев⁵⁸) полагал, что первые четыре крещения «не укоренишася добре ради частых браней и князей поганых»⁵⁹.

В широко использованной Татищевым Никоновской летописи содержалась заимствованная из Хронографа 1512 г. история об обращении русов Аскольда после чуда неопалимого Евангелия⁶⁰. Схожую историю Татищев нашел у высоко ценимого им Барония⁶¹. Не верить в крещение Аскольда у Татищева оснований как будто не было. Чем же тогда объяснить, что «аскольдово крещение» не возымело никаких последствий, что в договоре Олега с греками русь противопоставляется христианам, а первые известия о киевских христианах относятся ко временам Игоря? Очевидно, языческая реакция сумела восторжествовать. Когда еще это могло произойти, как не при захвате Киева и убийстве Аскольда Олегом? Сама легкость, с которой Олегу удалось обмануть Аскольда — не связана ли она с происками языческой «пятой колонны»? И не выходит ли тогда, что Аскольда нужно считать мучеником за веру? Именно такое предположение выдвинул Татищев, а чудесно обретенная им «История Иоакима» это подтвердила — в ней Аскольд прямо назван «блаженным»⁶².

Далее, в ПВЛ имелся вымышленный диалог Ольги с патриархом, в котором она опасалась «поганства» своего сына и своих «людей», патриарх же ссылался на примеры Давида, Моисея, Лота, Ноя и проч., спасенных Божьим соизволением. С помощью этой беседы летописец старался объяснить, почему Ольга ограничилась личным крещением и не ввела христианство на всей Руси. Но при буквальном прочтении этот отрывок можно было бы принять за свидетельство о сильной и агрессивной языческой партии, заставляющей опасаться за свою жизнь саму киевскую княгиню. Татищев, по крайней мере, понял именно так, и потому в его «Истории Иоакима» Ольга до последнего таит свое стремление креститься, она не смеет сделать это и в Киеве, а в Царьград для крещения отправляется под фальшивым предлогом. В Воскресенской летописи, бывшей у Татищева (названной им «Нижегородским манускриптом»), равно как и в ряде других имевшихся у него летописей (Никоновской, НПЛмл) есть известие, что варяг-мученик, убитый вместе с сыном язычниками-киевлянам, еще до этого трагического события хранил свою веру в тайне⁶³ — значит, христианство в языческой Руси было гонимым, запрещенным, как и в языческом Риме, а это свидетельствует о жестком религиозном противостоянии. В имевшемся у Татищева труде

⁵⁸ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. М., СПб., 2010. С. 485.

⁵⁹ Латухинская степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 108, л. 72 об.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 9: Летописный список именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 13; ПСРЛ. Т. 22: Русский Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. С. 352–353, л. 165.

⁶¹ Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 3: Века IX–XII. М., 1915. С. 1015.

⁶² Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137, 145, прим. 31.

⁶³ ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 295; ПСРЛ. Т. 9. С. 41; ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 130, л. 46. О тайном исповедании варяга-мученика говорилось и в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 69, л. 32), но в ее Ермолаевском («Голицынском») списке, бывшем у Татищева, в этом месте был пропуск (Там же. Приложение. С. 6).

С. Пуфендорфа⁶⁴ рассказывалось, что римские императоры возлагали на христиан ответственность за военные неудачи⁶⁵; неудивительно, что и татищевский Святослав связывал понесенные им тяжелые потери с гневом «лжебогов» на христиан⁶⁶. У Пуфендорфа стойкость христиан еще больше усиливала ярость императоров⁶⁷ — у Татищева Святослав, «видя их [христиан] непокорение, наипаче на презвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людем отврасчают и в вере их утверждают»⁶⁸.

Был у Татищева и подходящий пример из славянской истории. В имевшимся у него переводе Гельмгольдовой хроники, выполненном в 1736 г. К. А. Кондратовичем⁶⁹, рассказывалось об упорном язычестве руян: вскоре после первого своего крещения они восстают, изгоняют священников, а святого Витта начинают почитать как божество Святовита, которому даже приносят человеческие жертвы. В другом месте той же хроники рассказывалось, как полабские славяне вернулись к язычеству после 70 лет пребывания в христианстве⁷⁰. Татищев, как и многие последующие российские историки, не всегда отделял историю России от истории славянства и некоторые явления, присущие западным и южным славянам, со спокойной совестью экстраполировал на славян восточных. В данном случае восточным славянам был приписан языческий фанатизм, свойственный некоторым полабским племенам.

Всем этим Татищев был подготовлен к тому, чтобы увидеть в доступных ему источниках свидетельства массового сопротивления крещению Руси при Владимире. Правда, относительно Киева все летописи ограничивались невнятными и невыразительными оплакиваниями Перуна — по домыслу Псевдо-Иоакима, «люди невернии вельми о том скорбяху и роптаху, но отрицатися воев ради не смеяху». Иное дело Новгород. В примечаниях к «Истории Иоакима» Татищев писал: «Яко Нестор сказует, Иоаким послан был в Новград з Добрынею, не упоминая Путяты, ни обстоятельства кресчения. В Крекшина манускрипте *обстоятельства с противностью новгородцев нечто сему согласно, но кратко и баснословно о идоле Перуне описано*, якобы, когда оный ломали и тасчили, рыдал и противился. А в Ростовской есче прибавлено, якобы Перун палицу, имевшую в руке его, на мост бросил сказав, что торговцы з горожаны *всегда будут драться*. В Степенной сия басня расположена и к наказанию их царем Иоанном II-м соглашена, ч. II, н. 581. Что можно в пример суеверным иметь, которые таким нечувственным весчам провесчания вымышляют или верят, гл. 2». Фрагмент сопровождался маргиналиями «Перуна противность» и «Палица Перуна»⁷¹.

Как установил А. П. Толочко, под «крекшинским манускриптом» Татищев подразумевал Чертковский список Владимирского летописца⁷². В нем действительно сказано: «Иде Иаким владыка в Новгород и крестивъ новгородцев. И прииде в Новгород архиепископ Аким и требища их разори и Перуна посече и повеле въврещи в Волхлв и волоча биюще его. И в то время вшед в Перуна бес, глаголя: „о горе, ох достался немилостивым рукам“. И вринуша его в Волхов; онъ же пловя сквозе мост и верже палицу свою: „на сем мя поминают новгородские сие дети, юже ныне беется на мосту

⁶⁴ Пекарский П. Новые известия... С. 62.

⁶⁵ Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten*. Frankfurt (Main), 1682. S. 742.

⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

⁶⁷ Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie...* S. 743.

⁶⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

⁶⁹ Там же. С. 616, прим. Р.

⁷⁰ Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 160–161, 172–173.

⁷¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 147.

⁷² Толочко А. П. «История Российская»... С. 65–68.

безумными бесу утеху творят⁷³. И архиепископъ Аким нача ставити церкви, попы и диаконы⁷³. В Степенной книге Иоаким отправляется в Новгород в сопровождении Добрыни, Анастаса Корсунянина и посланного патр. Фотием (sic) митр. Михаила, завершившего обращение новгородцев проповедью; сообщение о боях новгородцев на мосту дополнено известием, что они делают это в праздники и бьются «древяным ослопием» несмотря на неоднократные запреты «святителей». Фигурирует там и легенда о «Видьблянине», который оттолкнул Перуна от берега шестом со словами «Уже ты, небоже Перушица, довольно ты zde чтим был и до сытости хлеба ял. Ныне же иди от града сего лишен света во тьму кромешную»⁷⁴. Попытки идентифицировать татищевскую Ростовскую летопись оказались безрезультатными⁷⁵, но о перуновой палице сообщалось в другой летописи, бывшей в распоряжении Татищева — Воскресенской («Нижегородской»)⁷⁶; неясно, почему Татищев не сослался на нее, но его манера давать ссылки вообще довольно непоследовательна: так, о Перуне в Волхове сообщалось не только в «манускрипте Крекшина» и Степенной книге, но и в НПЛмл («летописи попа Иоанна»), содержащей также известие об отталкивании Перуна от берега шестом⁷⁷, а о перуновой палице, как мы видели, «добавлено» не только в Степенной книге, но в «крекшинском манускрипте»; видимо, Татищев при ссылках порой излишне полагался на свою память.

Перунова палица произвела большое впечатление на Татищева. С этой легендой он увязывал попытку сбросить с волховского моста посадника Дмитрия Мироскиничу и новгородский погром Ивана Грозного («наказанию их царем Иоанном II-м»)⁷⁸. Происхождение и обоснованность такого сопоставления — тема, выходящая за рамки настоящей статьи. Важнее, что Татищев поместил легенду о палице в комментариях к рассказу о крещении новгородцев и посчитал ее, наряду с сообщением о «рыдающем» Перуне, согласной «с противностью новгородцев». Это указывает на исходный пункт татищевской «реконструкции», породившей в итоге столь занимательный нарратив.

Татищев нередко истолковывал «баснословные» летописные рассказы наивно-рационалистически. Так, чудо с прозрением ослепленных Всеволодом Большим Гнездом князей он объяснил тем, что ослепление было лишь инсценировкой для успокоения раздраженного народа, причем представил свое толкование не только в примечаниях, но и в виде летописного текста⁷⁹. Столкнувшись с рассказом о «рыдающем» идоле, кидающем палицу на мост, Татищев счел это легендарным отражением реального события. Такого рода подход к источникам соответствовал его стремлению при работе над второй редакцией своей «Истории» расцветить ее живописными подробностями из поздних источников («от разных русских историй, яко степенных, хронографов, миней и прологов, изъяснить»⁸⁰). В Хронографе редакции 1512 г. и в Никоновской летописи, вследствие неумелой компиляции, о крещении Новгорода говорилось дважды⁸¹, что могло навести на мысль об упорном сопротивлении крещению; сообщение о «рыдании» Перуна, о его попытках пристать к берегу,

⁷³ ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009. С. 38, л. 52 об., прим. 1–9.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 21: Степенная книга царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908. С. 109–110, л. 203 об.–204.

⁷⁵ Толочко А. П. «История Российская»... С. 84.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 7. С. 313.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 159–160, л. 68 об.

⁷⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 243, 347, прим. 581.

⁷⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 386, 591, прим. 375.

⁸⁰ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 111.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 63, 65; ПСРЛ. Т. 22. С. 367, л. 188–188 об.

о брошенной палице и вызванных ею боях на мосту при таком настрое вполне можно было счесть за искаженные воспоминания о насильственном крещении. Об архиепископе Иоакиме, идоле и палице Перуна сообщалось (со ссылкой на Герберштейна) и в «польских историях» (например, у Стрыйковского⁸²), которые, как считал Татищев, опирались на древнерусские источники⁸³. Это укрепляло Татищева в уверенности, что при крещении Руси на берегах Волхова произошли драматические события, которые он, опираясь на исторические познания и собственный жизненный опыт, попытался восстановить.

Из Степенной книги и Хронографа редакции 1512 г. Татищев позаимствовал известие об участии в крещении Добрыни (это явно было домыслено по образцу ПВЛ, где Владимир после вокняжения в Киеве посылал Добрыню устанавливать в Новгороде идол Перуна — «логично» было поручить Добрыне и его низвержение). Появление в рассказе героя эпоса вызвало ассоциации с другим былинным персонажем — Путятой. Главный антагонист — «сладкоречивый» языческий жрец — получил псевдославянское «говорящее» имя — Богомил, дополненное взятым опять же из былин именем «Соловей». Но если возможен человек с именем Соловей, то чем плох Воробей? Это имя досталось в Воронцовском списке новгородскому посаднику (в Академическом именно он был Соловьем⁸⁴). Забавное имя тысяцкого — Угоняй — было взято из повести о Холопьем граде⁸⁵. Так были сконструированы главные персонажи рассказа, дополненные пришедшим из НПЛмл Иоакимом Корсунянином.

Упоминание о волховском мосте, куда упала палица Перуна, указало Татищеву место, где начались столкновения, а его собственный опыт артиллериста и военачальника подсказал, как «следовало бы строить оборону Софийской стороны от наступающего с Торговой стороны неприятеля: разрушить один-два пролёта моста, а на оставшуюся часть выкатить пару пушек»⁸⁶; за неимением пушек сгодились «самострелы», замененные в Воронцовском списке на «пороки». Впрочем, готовые образцы для описания внутригородских противостояний Татищев мог найти и в летописях. Например, в манускрипте «попа Иоанна» (НПЛмл) под 6867 г. рассказывалось о «великом мятеже», в ходе которого жители Словенского конца «переметали» мост, чтобы не пустить на Торговую сторону своих противников со стороны Софийской⁸⁷.

Наличие ростовцев в отряде Путяты объясняется тем, что в ряде поздних источников (Владимирском летописце, Никоновской летописи, также в Степенной книге) крещение Владимиро-Суздальской земли предшествует приходу Иоакима в Новгород; летописцы ставили на первое место Владимир и Суздаль, но Татищев знал, что во времена Владимира Святого ведущим городом в том крае был Ростов — недаром именно он достался в удел Ярославу Мудрому. Малочисленность отряда Путяты должна была объяснить дерзость новгородцев (ведь, по Татищеву, многие терпели насильственное крещение «воев ради»). Лично посылая воинские команды против численно превосходящего неприятеля, Татищев хорошо знал эффективный тактический прием, к которому прибегнул и Добрыня — «повеле у берега некие домы зажегши». Чтобы облегчить Добрыне принятие столь радикального решения, Татищев переработал первоначальный текст «Истории Иоакима», заставив новгородцев убить жену Добрыни⁸⁸.

⁸² Strykowski M. *Kronika*... S. 141.

⁸³ Татищев В. Н. *История Российская*... Т. 1. С. 151, п. 5.

⁸⁴ Моргайло В. М. *Работа В. Н. Татищева*... С. 264.

⁸⁵ Татищев В. Н. *История Российская*... Т. 1. С. 374, п. 10.

⁸⁶ Горюнов А. В. *Рассказ Иоакимовской летописи*... С. 10.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 366, л. 218 об.

⁸⁸ Моргайло В. М. *Работа В. Н. Татищева*... С. 262.

В ПВЛ рассказывалось о массовом крещении киевлян в реке. Татищев перенес процедуру с Днепра на Волхов, предусмотрительно распорядившись, дабы не нарушать приличий, крестить «мужи выше моста, а жены ниже моста». Заодно историограф воспользовался случаем, чтобы аутентизировать еще одну свою гипотезу: Иоаким якобы велел всем уже крещеным надевать «кресты на шею», а Владимир распространил это по всей Руси, «чтоб кто от крещения не отлыгался»⁸⁹ (Татищев полагал, что ношение нательных крестов «нигде у христиан, кроме Руси, нас, не употреблено»). Можно догадываться, что во время организованной им «выгонки» старообрядцев Татищев много бы дал за подобный простой способ выявления «уклонистов». В этой подробности, как и во многих других чертах рассказа о крещении новгородцев, видны «черты, избобличающие современника». И именно такого рода подробности придали татищевскому нарративу ту художественную убедительность, которая подкупает уже не одно поколение исследователей, заставляя их вновь и вновь подыскивать аргументы в пользу аутентичности заведомого апокрифа.

Приходится признать, что академик А. А. Шахматов все-таки был прав: «История Иоакима» действительно была написана современником и даже участником событий. Только события эти относились не к X, а к XVIII в., и современником их был не еп. Иоаким Корсунянин, а тайный советник Василий Никитич Татищев.

Источники и литература

Источники

1. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 3: Века IX–XII. М., 1915.
2. Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М.: Русская панорама, 2011. С. 151–304.
3. Квинт Курций. О делах содеянных Александра Великого царя Македонского. СПб., 1724.
4. Копыстенский З. Палинодия // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. IV. С. 313–1200.
5. Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769.
6. Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012.
7. Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 16: Русь, 1483–1491. М., 2022.
8. Мавроурбин, архим. Рогожский. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. СПб., 1722.
9. Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. Уфа: Китап, 2003.
10. Патерик или Отечник Печерский. Киев, 1661.
11. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
12. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950.
13. ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
14. ПСРЛ. Т. 9: Летописный список именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

⁸⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 147, прим. 46.

15. ПСРЛ. Т. 21: Степенная книга царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
16. ПСРЛ. Т. 22: Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911.
17. ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009.
18. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 126. Юрьев, 1907.
19. Синопис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев, 1680.
20. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7-ми томах. Т. 1–4. М.: Академический проект, 2016–2017.
21. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7-ми томах. Т. 7. М.: Академический проект, 2018.
22. *Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich*. Kiiow, 1635.
23. Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten*. Frankfurt (Main), 1682.
24. Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka y wszyskiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej*. Królewiec, 1582.

Литература

25. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.
26. Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.
27. Алексеев С. В. Источники Иоакимовской летописи // Историческое обозрение. Вып. 3. М., 2002. С. 18–20.
28. Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц СПб., 1770.
29. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. Т. 1. СПб., 1861.
30. Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Прибавления к изданию творений Святых Отцев в русском переводе. 1881. Ч. 28. С. 602–640.
31. Горovenko A. B. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. 2018. Т. 4, № 5. С. 1–16.
32. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9-ти томах. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь–декабрь 1858 г. М., Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962.
33. Западов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и се» и его литературное окружение // XVIII век. 1940. Вып. 2. С. 95–141.
34. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. I. СПб., 1842.
35. Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 260–268.
36. Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864.
37. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974.
38. Попов Н. А. Татищев и его время М., 1861.
39. Пословицы, поговорки и загадки XVIII–XX вв. М., Л., 1961.
40. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957.
41. Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009.
42. Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 66. СПб., 1900.

43. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. М., СПб.: Альянс-Архео, 2010.
44. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
45. Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти книгах. Кн. 1, т. 1–2. М.: Мысль, 1988.
46. Татищев В. Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990.
47. Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7-ми томах. Т. 1. М.: Академический проект, 2016.
48. Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005.
49. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
50. Чупин Н. К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. (Из дел Екатеринбургского горного архива // Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 309–313.
51. Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Т. 332, ноябрь.
52. Янин В. Л. Когда и как крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11. С. 27–31.
53. Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. 1984. Вып. 7. С. 40–56.

Sources and References

Sources

1. Baronius C. *Deyaniya cerkovnye i grazhdanskie ot Rozhdestva Hristova do 1198 leta [Ecclesiastical and civil acts from the Birth of Christ to the summer of 1198]*, book 3: 9th–12th centuries. Moscow, 1915. (In Russian)
2. Helmold of Bosau. *Chronica Slavorum*. In: Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck. *Slavyanskije hroniki*. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011, p. 151–304. (In Russian)
3. Kopystensky Z. *Palinodiya. Russkaya istoricheskaya biblioteka*. St. Petersburg, 1878, vol. IV, p. 313–1200. (In Old-Russian)
4. Kurganov N. G. *Rossijskaya universal'naya grammatika, ili Vseobshchee pismoslovie [Russian universal grammar, or universal writing]*. St. Petersburg, 1769. (In Russian)
5. *Latuhinskaya stepennaya kniga. 1676 god [Latuchin's Book of Royal Degrees. Year 1676]*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012. (In Old-Russian)
6. *Litvoy letopisny svod 16 veka [Illustrated Chronicle of the 16th century]*, book 16: Rus', 1483–1492. Moscow, 2022. (In Old-Russian)
7. *Materialy po istorii Bashkortostana [Materials on the history of Bashkortostan]*, vol. 6. Ufa, Kitap Publ., 2003. (In Russian)
8. Mavro Orbini. *Kniga istoriografiya pochatiya imene, slavy i razshireniya naroda slavyanskogo [The Book of the Origin, Glory, and Expansion of the Slavic People]*. St. Petersburg, 1722. (In Russian)
9. *Paterik ili Otechnik Pecherskij [Kyiv Caves Patericon]*. Kiev, 1661. (In Old-Russian)
10. *Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich [Kyiv Caves Patericon]*. Kiiow, 1635. (In Polish)
11. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 2: Ipatiev Chronicle. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1962. (In Old-Russian)

12. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 3: Novgorod First Chronicle. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1950. (In Old-Russian)
13. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 7: Chronicle according to the Voskresensky list. St. Petersburg, 1856. (In Old-Russian)
14. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 9: Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. Moscow, Yaziki russkoy kul'turi Publ., 2000. (In Old-Russian)
15. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 21: Steppennaja kniga carskogo rodoslovija [Degree book of the royal genealogy], part 1. St. Petersburg, 1908. (In Old-Russian)
16. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 22: Russian Chronograph, part 1: The Chronograph of 1512. St. Petersburg, 1911. (In Old-Russian)
17. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 30: Vladimir Chronicler. Novgorod Second (archival) Chronicle. Moscow, 2009. (In Old-Russian)
18. Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten* [Introduction to the history of the most distinguished empires and states]. Frankfurt (Main), 1682. (In German)
19. Quintus Curtius Rufus. *O delah sodeyannyh Aleksandra Velikogo carya Makedonskogo* [Histories of Alexander the Great]. St. Petersburg, 1724. (In Russian)
20. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society], vol. 126. Yuryev, 1907. (In Russian)
21. *Sinopsis, ili kratkoe sobranie ot razlichnyh letopiscev o nachale slavyano-rossijskogo naroda i pervonachal'nyh knyazej bogospasaemogo grada Kieva* [Synopsis, or a brief collection from various chroniclers about the beginning of the Slavic-Russian people and the original princes of the God-protected city of Kiev]. Kiev, 1680. (In Old-Russian)
22. Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka y wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej* [Polish Chronicle of Lithuania, Żmódzkie and all Rus' Kiev, Moscow, Siewierskie, Wołyńska, Podolskie, Podgorskie, Podlaskie]. Królewiec, 1582. (In Polish)
23. Tatishchev V. N. *Istoriya Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian history from the most ancient times], in 7 vols, vol. 1–4. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2016–2017. (In Russian)
24. Tatishchev V. N. *Istoriya Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian history from the most ancient times], in 7 vols, vol. 7. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. (In Russian)

References

25. Azbelev S. N. *Novgorodskie letopisi 17 v.* [Novgorod chronicles of the 17th century]. Novgorod, 1960. (In Russian)
26. Azbelev S. N. K izucheniyu Ioakimovskoj letopisi [To study the Joachim Chronicle]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik*, 2003, vol. 9 (19), p. 5–27. (In Russian)
27. Alekseev S. V. Istochniki Ioakimovskoj letopisi [Sources of the Joachim Chronicle]. *Istoricheskoe obozrenie*, issue 3. Moscow, 2002, p. 18–20. (In Russian)
28. Barsov A. A. *Sobranie 4291 drevnih rossijskich poslovic* [Collection of 4291 ancient Russian proverbs]. St. Petersburg, 1770. (In Russian)
29. Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj poezii i iskusstva* [Historical essays of Russian folk poetry and art], vol. 1. St. Petersburg, 1861. (In Russian)
30. Golubinsky E. E. O tak nazyvaemoj Ioakimovskoj letopisi Tatishcheva [About the so-called Ioakimov chronicle of Tatishchev]. *Pribavleniya k izdaniyu tvorenij Svyatyh Otcev v russkom perevode*, 1881, part 28, p. 602–640. (In Russian)

31. Gorovenko A. V. Rasskaz Ioakimovskoj letopisi o kreshchenii novgorodcev: mogu li dannye arheologii opроверgnut' tekstologicheskie vyvody? [The story of the Joachim Chronicle about the baptism of the Novgorodians: can archaeological data refute textual conclusions?]. *Valla*, 2018, vol. 4, no. 5, p. 1–16. (In Russian)
32. Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochinenij* [Collected works], in 9 vols, vol. 3: Articles and reviews. June–December 1859. Moscow, Leningrad, 1962. (In Russian)
33. Zapadov A. Zhurnal M. D. Chulkova "I to i se" i ego literaturnoe okruzenie [Chulkov's magazine "Both this and that" and its literary environment]. *The 18th Century*, 1940, issue 2, p. 95–141. (In Russian)
34. Karamzin N. M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State], 5th ed., book I. St. Petersburg, 1842. (In Russian)
35. Morgajlo V. M. Rabota V. N. Tatishcheva nad tekstom Ioakimovskoj letopisi [Tatishchev's work on the text of the Joachim Chronicle]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 g.* Moscow, 1963, p. 260–268. (In Russian)
36. Pekarskij P. *Novye izvestija o Tatishcheve* [New messages about Tatishchev]. St Petersburg, 1864. (In Russian)
37. Pokrovskij N. N. *Antifeodal'nyj protest uralo-sibirskih krest'yan-staroobryadcev v 18 v.* [The anti-feudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the 18th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. (In Russian)
38. Popov N. A. *Tatishchev i ego vremya* [Tatishchev and his time]. Moscow, 1861. (In Russian)
39. *Poslovice, pogovorki i zagadki 18–20 vv.* [Proverbs, sayings and riddles of the 18–20th centuries]. Moscow, Leningrad, 1961. (In Russian)
40. *Poslovice russkogo naroda. Sbornik V. Dalja* [Proverbs of the Russian people. Vladimir Dal's Collection]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. (In Russian)
41. Sverdlov M. B. *Vasilij Nikitich Tatishchev — avtor i redaktor "Istorii Rossijskoj"*. [Vasily Nikitovich Tatishchev as the author and editor of "The History of the Russian"]. St. Petersburg, Evropejskij dom Publ., 2009. (In Russian)
42. Simoni P. Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i proch. 17–19 st. [Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. 17–19 centuries]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk*, vol. 66. St. Petersburg, 1900. (In Russian)
43. Sirenov A. V. *Stepennaja kniga i russkaja istoricheskaja mysl' 16–18 vekov* [Degree book and Russian historical thought of the 16th 18th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Al'jans-Arheo Publ., 2010. (In Russian)
44. Snegirev I. M. *Russkie narodnye poslovice i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, 1848. (In Russian)
45. Solovyov S. M. *Sochinenija* [Works], in 18 books, book 1, vol. 1–2. Moscow, Mysl' Publ., 1988. (In Russian)
46. Tatishchev V. N. *Zapiski. Pis'ma* [Notes and letters]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian)
47. Tolochko A. P. "Istoriya Rossijskaja" Vasilija Tatishcheva: istochniki i izvestija ["Russian History" by Vasily Tatishchev: sources and messages]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; Kyiv, Kritika Publ., 2005. (In Russian)
48. Tikhomirov M. N. O russkih istochnikah "Istorii Rossijskoj" [About the Russian sources of the "Russian History"]. *Tatishchev V. N. Istoriya Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian history from the most ancient times], in 7 vols, vol. 1. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2016. (In Russian)
49. Ustyugov N. V. *Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg.* [Bashkir uprising of 1737–1739]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1950. (In Russian)
50. Chupin N. K. Sozhzhenie na kostre v Ekaterinburge v 1738 g. (Iz del Ekaterinburgskogo gornogo arhiva) [Burning at the stake in Yekaterinburg in 1738 (From the files of the Yekaterinburg Mining Archive)]. *Russkaya starina*, 1878, vol. XXIII, p. 309–313. (In Russian)

51. Shakhmatov A. A. Obshcherusskie letopisnye svody 14 i 15 vv. [All-Russian chronicle vaults of the 14th and 15th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1900, vol. 332, November. (In Russian)

52. Yanin V. L. Kogda i kak krestili novgorodcev [When and how the Novgorodians were baptized]. *Nauka i religiya*, 1983, no. 11, p. 27–31. (In Russian)

53. Yanin V. L. Letopisnye rasskazy o kreshchenii novgorodcev (o vozmozhnom istochnike Ioakimovskoj letopisi). [A chronicle story about the baptism of the Novgorodians (about a possible source of the Joachim chronicle)]. *Russkij gorod*, 1984, issue 7, p. 40–56. (In Russian)